

Цзи Вэйцю, не упуская момента, тут же придвинулся ближе. Он опустился на колени у ног Цзи Су, положил руку ему на колено и ухватился за край роскошного одеяния.

— Не только я не похож, но и ты, брат-император, тоже. Наша матушка умеет рожать, выбирая для нас только лучшее.

— Дерзость! — инстинктивно бросил Цзи Су.

Цзи Вэйцю лукаво улыбнулся, в его глазах заплясали озорные искорки.

— Грубовато, но правда. Я и при матушке осмелюсь так сказать! И она наверняка согласится!

Цзи Су холодно смотрел на него, не отвечая. Улыбка постепенно сошла с лица Цзи Вэйцю. Он поджал губы и, положив голову на колени брата, тихо проговорил:

— Брат... брат-император... я действительно так тебя разочаровал? Я был тогда мал, но кое-что помню о Сяньди. Неужели в твоём сердце я похож на него?

Так вот какая фраза его задела.

«Что за вздор? — с пренебрежением подумал Цзи Су. — Всего лишь слова. Разве он не слышал и в сто раз обиднее? Цзи Вэйцю вырос при дворе, я лично воспитывал его больше десяти лет. Он должен был хоть чему-то научиться у меня. А вместо этого вырос таким мягкотелым. Какое разочарование».

Но юноша, прильнувший к его коленям, казалось, думал иначе. Его ухоженные руки цеплялись за одеяние, но он боялся сжать его слишком сильно, боялся опереться всем весом, лишь слегка касался. Даже обращение «брат» слетело с его губ робко, неуверенно. Он не смел поднять на него глаз.

Цзи Су вдруг показалось... что он и вправду обижен.

Цзи Вэйцю горько усмехнулся. Хотя сегодня он по большей части играл, чтобы оправдать своё поведение, но, произнеся эти слова, он и в самом деле почувствовал укол обиды. Он не получил ответа от брата и сказал себе, что это нормально. Сердце императора — бездонный колодец. Он — человек великих дел, не то что он, простой смертный. Он всё понимал... просто было немного больно.

Пусть он и не был настоящим принцем, но он не просился на роль князя Жуя. Он считал Цзи Су родным братом. Они были вместе в самые трудные времена. А теперь, когда всё наладилось,

из-за пары неосторожных слов Цзи Су решил, что его младший брат стал похож на человека, которого он ненавидел больше всего на свете.

Хотя он и знал это заранее, но всё равно было... больно.

Он шевельнул пальцами, и тут же его руку накрыла чужая ладонь.

— Встань, — ровным голосом произнёс Цзи Су.

— ... — Цзи Вэйцю замер и, подняв глаза, увидел спокойное, невозмутимое лицо брата. — Всего лишь слова, стоят ли они таких переживаний?

— Если бы это сказал кто-то другой, мне было бы всё равно. В крайнем случае, я бы приказал накинуть на него мешок и избить в тёмном переулке. Но ты, брат, не можешь, — выпалил Цзи Вэйцю.

Сказав это, он понял, что его слова можно истолковать двояко. Подняв глаза, он увидел, что взгляд Цзи Су похолодел. Собравшись с духом, он добавил:

— Я не это имел в виду... Просто ты, брат, не должен был так говорить!

— Я не должен? — переспросил Цзи Су.

Цзи Вэйцю кивнул, уверенно заявив:

— Ты можешь. Просто когда так говорят другие, я злюсь. А когда так говоришь ты, мне больно.

Это была правда.

Цзи Вэйцю мысленно вздохнул. Ну почему он не может держать язык за зубами? Он же знает, что брата раздражает его поведение, что его достоинства в глазах брата — сплошные недостатки. Зачем он всё это говорит? Напрашивается на наказание? Эх... надеюсь, брат сжалится над ним, ведь он только что отравился.

Внезапно он почувствовал тепло на своей голове. Подняв глаза, он увидел, как Цзи Су убирает руку.

— Встань.

Во взгляде Цзи Су промелькнуло что-то похожее на усталость. Помолчав, он добавил:

— Больше я об этом не упомяну.

Цзи Вэйцю ошеломлённо смотрел на брата, не веря своим ушам. Он украдкой ущипнул себя за бедро, вскрикнул от боли и снова уставился на Цзи Су, как баран на новые ворота.

Цзи Су едва не рассмеялся от его вида.

Цзи Вэйцю попытался встать, но, к своему удивлению, не смог. Его тело ослабло от болезни, и хотя он простоял на коленях совсем недолго, да и то по большей части сидел, ноги его подкосились. Он усмехнулся, опёрся о бедро Цзи Су, с трудом поднялся и даже подпрыгнул, радостно воскликнув:

— Договорились! Брат-император, слово государя — закон!

Цзи Вэйцю заметил, что, пока стоял на коленях, испачкал одежду. И не только свою — на одеянии Цзи Су тоже осталось серое пятно от его руки. Он сделал вид, что не заметил, и поспешно сказал:

— Уже поздно, брат-император, отдохни... Ты что, завтра возвращаешься на утренний приём? Постой! Раз ты приехал лично, значит, у тебя есть ко мне какое-то важное дело?

Цзи Су бросил на него холодный взгляд и, взмахнув рукавом, направился к выходу.

Цзи Вэйцю, оставшись один, ничуть не обиделся. Он даже крикнул вслед брату пару раз, чтобы показать свою заботу, а когда тот скрылся из виду, кивнул Цзинси, чтобы тот шёл прислуживать, и повернулся к Син Бо:

— Вели на кухне приготовить сладкий суп, который я обычно ем.

Син Бо недоумённо посмотрел на него. Приехал Государь, разве не следовало приготовить то, что любит он?

Цзи Вэйцю не стал ничего объяснять. Он действительно любил этот суп. Раньше, когда они жили во дворце вместе, он часто его ел, и брат иногда тоже съедал пиалу. Да и шутка ли, с характером его брата, если бы ему не нравилось, разве он бы хоть пальцем пошевелил?

Нести! Нести большую пиалу! Точно не ошибётся!

Син Бо, ничего не поняв, пошёл исполнять приказание.

Когда Цзи Су приезжал в усадьбу, он всегда останавливался во Дворце Лазурных Гор. Сейчас

там жил Цзи Вэйцю, поэтому он отправился в Павильон Несущий Свет. После того как он умылся, вошёл Цинси с супницей в руках.

— Государь, — с улыбкой сказал он, — князь прислал сладкий суп. Отведаете?

Цзи Су постучал пальцем по столу. Цинси поставил перед ним супницу, и как только он снял крышку, по комнате разнёсся сладкий аромат. Цзи Су съел чуть меньше половины и велел убрать. Цинси принёс чай. Увидев, что Государь выпил почти всю чашку, он мысленно усмехнулся.

Во всей Поднебесной, пожалуй, только сладкий суп, присланный маленьким князем или вдовствующей императрицей, Государь соблаговолит отведать, чтобы выказать свою привязанность.

«Может, заварить ему ещё чашку крепкого чая, чтобы перебить вкус?» — подумал Цинси.

На следующее утро Цзи Су вернулся в Яньцзин. К тому времени, как Цзи Вэйцю проснулся, утренний приём, вероятно, уже закончился. Он зевнул и, лёжа в постели, долго смотрел на полог. Внезапно до него дошло — а какое у брата могло быть дело?

Будь оно действительно важным, брат сказал бы вчера. Он не из тех, кто путает важное с пустяками.

Он спросил у Син Бо:

— Во дворце ничего не случилось?

— Нет, — ответил Син Бо.

Значит, действительно ничего. Сведениям Син Бо можно было доверять.

Получается, он приезжал просто навестить его?

Неужели он так важен для своего брата?

Цзи Вэйцю хмыкнул. Даже на быстрой лошади путь от Яньцзина до загородной резиденции занимал больше получаса, а ведь ещё нужно было подняться в гору. Судя по времени, когда брат вчера приехал, он, должно быть, отправился в путь сразу после утреннего приёма, разобрав лишь самые неотложные дела.

Все знают, что императоры встают раньше петухов. Восемь утра для современного человека — начало рабочего дня, а для его брата — это время, когда утренний приём уже закончен, и он садится за доклады. Конечно, если в этот день случалось что-то важное, то и в восемь приём мог не закончиться, и приходилось сидеть и слушать дальше.

Слушать доклады — это ещё мягко сказано. На самом деле, это означало выслушивать, как сановники поливают друг друга грязью. Его брат держал их в строгости. При Сяньди во время приёмов случались и драки. Теперь же они могли лишь обмениваться колкостями. Кто осмелится поднять руку — того ждала порка палками.

Цзи Вэйцю перевернулся на другой бок и поманил к себе Син Бо. Тот, ничего не понимая, подошёл.

— Син Бо, я собираюсь совершить великое дело... — прошептал Цзи Вэйцю.

Син Бо:

— ...?

Цзи Су вернулся с утреннего приёма в Дворец Ясного Покоя, чтобы немного отдохнуть. Молодой евнух подал ему чай. Отпив немного, он почувствовал лёгкую усталость.

— Государь, — заметил Цзинси, — кабинет министров пришлёт доклады не скоро. Отдохните немного!

Цзи Су кивнул и вошёл в спальню. Но едва переступив порог, он почувствовал что-то неладное. С балки бесшумно спустился тайный страж и, сложив руки, глухо произнёс:

— Князь здесь.

Не успел Цзи Су понять, что это значит, как из-за занавески, опустив голову, вышел молодой евнух. Он поднял лицо, и это оказался... Цзи Вэйцю!

Цзи Су молча смотрел на него. Цзи Вэйцю с улыбкой поклонился:

— Младший брат приветствует брата-императора.

— В усадьбе «Сладкий Родник» хорошо, конечно, но слишком сыро, — сказал он. — Лекарь Ху говорит, что мне лучше жить в тёплом и сухом месте... Брат-император, не выделишь ли мне

какой-нибудь боковой дворец?

Цинси чуть не лишился дара речи от такой наглости. Он открыл рот, но решил промолчать. Не дай бог братья снова поссорятся, а он окажется крайним.

— «Алмазную сутру» переписал? — спросил Цзи Су.

— Младший брат подумал и решил, что раз уж это для здоровья матушки, то лучше всего переписывать её во дворце брата-императора, чтобы напиться твоей драконьей ци! — с важным видом заявил Цзи Вэйцю. — Тогда все боги и будды из уважения к тебе будут ещё больше оберегать матушку!

...Что за бред.

— Отправить его в холодный дворец, — холодно усмехнулся Цзи Су.

Кто этот «он», было ясно без слов.

Лицо Цзи Вэйцю вытянулось.

— Эй?! Брат-император! Я не хочу в холодный дворец! Младший брат не хочет в холодный дворец! Говорят, там призраки водятся! Спасите!

— Там, где нахожусь я, драконья ци всё защищает. Откуда взяться призракам? — ледяным тоном произнёс Цзи Су.

Два молодых евнуха, скрепя сердце, подошли и, подхватив Цзи Вэйцю под руки, потащили его прочь. Цзи Вэйцю не смел по-настоящему сопротивляться и лишь жалобно причитал всю дорогу. Но как только его вытащили из спальни, он тут же умолк.

В спальне была хорошая звукоизоляция, там можно было кричать. А снаружи — это уже было бы объявление на весь дворец о его возвращении.

«Какой же я дурак! — подумал Цзи Вэйцю. — Зачем я вообще вернулся?»

Два часа в карете, он себе всё отсидел!

И комплимент оказался совсем не к месту! Важен он для брата, как же!

Внезапно раздался скрип деревянной двери. Два евнуха втокнули его в «холодный дворец».

Боковой дворец Дворца Ясного Покоя предназначался для наложниц, удостоенных императорской милости. Но поскольку Цзи Су не интересовался женщинами, он пустовал уже больше десяти лет. Зброшенный и неиспользуемый — в каком-то смысле, действительно холодный дворец.

<http://bllate.org/book/16115/1584856>